

УДК 1321.5
ББК 87:74.00

К.В. Султанов, С.Э. Федорин

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДОГО СПЕЦИАЛИСТА: ГОРИЗОНТЫ МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ*

Затрагивается вопрос о мировоззрении молодежи. Рассматриваются два основных понимания идеологии: как выражения жизненной позиции и как ложного сознания. Либерализм, признавая плюрализм ценностей, претендует на роль мета-идеологии. Марксизм внес решающий вклад в понимание идеологии как ложного сознания. Недостаточность этого подхода повлекла как критику, так и усовершенствование. Было выявлено важное значение идеологических иллюзий. Стремление к недостижимым идеалам служит формальному решению неразрешимых противоречий и поддержанию общественного гомеостаза. Вместе с тем в статье утверждается, что теоретическое обоснование политического действия не обязательно является идеологией.

Ключевые слова:

идентичность, идеология, либерализм, ложное сознание, марксизм, молодежь, патриотизм, реальная политика, ценности.

Султанов К.В., Федорин С.Э. Социокультурная и мировоззренческая идентичности молодого специалиста: горизонты манипулятивного воздействия // Общество. Среда. Развитие. – 2016, № 1. – С. 77–81.

© Султанов Константин Викторович – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: child2000@bk.ru

© Федорин Станислав Эдуардович – кандидат философских наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: voscres@gmail.com

Что определяет мировоззрение современного человека, в том числе молодого? Опыт непосредственного общения со студентами дает основание утверждать, что явные влияния попросту отсутствуют. Студенты в своей массе затрудняются указать, кто и что на них влияет, какие имена и, тем более, доктрины они готовы назвать в качестве духовных ориентиров поколения – особо, если речь идет не о индивидуальных, но о коллективных предпочтениях. Однако это, конечно, не означает, что нет воздействий косвенных, скрытых и не афишируемых.

В связи с этим закономерно напрашивается вопрос: можно ли говорить, что в современности сохраняют влияние идеологии? Иначе говоря: может ли понятие идеологии прояснить происходящее, или в современности действуют другие пути формирования мировоззрения? В целях

рассмотрения концепта идеологии следует указать на два основных подхода к его толкованию. Их можно обозначить предельно кратко следующим образом:

- 1) идеология как жизненная позиция и
- 2) идеология как ложное сознание.

Несомненно, идеологией в обыденном словоупотреблении часто обозначают вообще в широком смысле чье-либо мировоззрение, в особенности, если таковое представлено в теоретически связном виде. Выражение такого понимания находим, к примеру, у популярного автора художественных текстов Макса Фрая: «идеология – это просто система идей и взглядов, через призму которых осознается и оценивается отношение человека к действительности. То есть – подчеркиваю! каких угодно идей и каких угодно взглядов» [8, с. 66].

Сходным образом разъясняет свое понимание знаменитый Ф. Фукуяма, для ко-

* Исследование поддержано грантом РГНФ 15-06-10735 «Социально-философский анализ манипулятивных технологий в образовании».

торого понятие идеологии является одним из центральных. В статье «Конец истории» он утверждает, что «идеология» – наилучшее название для «широких объединяющих картин мира». Идеология «не сводится к политическим доктринам, которые мы с ней привычно ассоциируем, но включает также лежащие в основе любого общества религию, культуру и нравственные ценности» [12, с. 140].

Такой подход закономерно возникает в современных условия жизни, которые *volens nolens* делают принципом поведения субъективный выбор. Субъективная свобода (индивида или группы) не только провозглашается как неотъемлемое право, но также общественно поощряется и реализация этого права. Заслуживающим похвалы, считается субъект, имеющий свою «позицию», «принципы». Тот же, кто не проявляет данных свойств, настораживает и порицается как беспринципный, безыдейный. Идеология, таким образом – это подводящее обозначение того, что – согласно описанной логике – должно определять поведение каждого – полноценного субъекта.

Практически незаменимым элементом для логики описания идеологии как жизненной позиции служит часто используемое понятие ценности. Взгляды, верования, принципы, идеи и т.п., будучи субъективно принятыми в составе идеологии, наиболее удобно обозначать как «ценности».

Понятие ценности было в свое время поднято на щит философами-неокантианцами (Г. Риккерт, В. Виндельбанд), которые видели своей задачей создание на его основе новой метафизики культуры. Сверхзадачей же для них являлась выработка мировоззрения, которое было бы способно послужить делу общественной консолидации в набиравших мощь европейских национальных государствах. Можно сказать, что этот проект был похоронен Первой мировой войной, в результате которой потрясенная бессмысленной бойней европейская мысль искала спасения скорее в позитивизме, экзистенциализме и марксизме, нежели в «причастности к высшему миру разумных ценностей» [4, с. 18].

Тем не менее, ренессанс концепта ценности вскоре обнаруживается в теоретических воззрениях американской социологической школы (Т. Парсонс, Н. Смелзер), выработавшей парадигму истолкования общественных процессов не только для академических кругов, но самого широкого общественно-политического примене-

ния. В этом учении всякое общество рассматривается как имеющее своим основанием не что-нибудь, но именно согласие в наборе основных ценностей. «Ценности – это общепринятые убеждения, относительно целей, к которым человек должен стремиться» [11, с. 50].

Если проследить далее истолкование человека и общества как определяемых идеологией в качестве набора субъективно избираемых «ценностей», можно обнаружить примечательные результаты. Данная логика принимает как само собой ясную предпосылку, что идеологий может быть множество, столько же, сколько самих субъектов. Пролиферация и плюрализм ценностей приветствуются как проявления свободы самореализации субъектов и, напротив, какая-либо доминирующая система ценностей порицается. И, тем не менее, такое провозглашение множества систем ценностей содержит предпосылку, что любая из них вторична по сравнению с некоторой мета-ценностью, которой выступает само признание возможности множества ценностей. Иметь ту или иную систему ценностей становится чем-то второстепенным и даже необязательным, однако безусловно необходимым оказывается принятие позиции «ценности ценностей».

Общественно-политической артикуляцией такой позиции является, несомненно, либерализм. Именно либерализм выступает как такая специфическая мета-ценность, состоящая в признании всех прочих ценностей, при условии их достаточной терпимости друг к другу, а точнее – к самому либерализму. Такая логика позволяет либерализму чувствовать себя весьма комфортно в спорах по вопросам идеологии. В нужных случаях речь идет о конце идеологий («деидеологизации») – и акцент делается на плюрализме ценностей. Но вместе с тем в любой момент либерал может переходить и к сюжетам «реидеологизации», выставляя свою точку зрения как наиболее зрелую систему ценностей, идеологию *par excellence*.

Известная концепция конца истории Ф. Фукуямы являет собой как раз открытое провозглашение либерализма в качестве наилучшей (по существу – «единственно верной») идеологии, которая пришла к своему триумфу после закономерной капитуляции всех ее противников – абсолютизма, фашизма, коммунизма. Действительно, либеральная идеология оказывает на мировую политику последних десятилетий преобладающее влияние. Однако она так и не дождалась безусловного и окончатель-

тельного своего торжества. Либеральная идеология сталкивается с возрастающим сопротивлением, притом что силы, ее поддерживающие, не спешат с оформлением в качестве определенных доктрин.

В этой связи, с точки зрения нашего обсуждения, весьма поучительной представляется одна специфическая дилемма, которая всплывает в политической риторике последнего времени, насколько можно судить, с нарастающей интенсивностью. Речь идет о противопоставлении «реальной политики» (реалполитик) и «политики, ориентированной на ценности» (политики идеализма).

«Реальная политика» понимается как образ действий, отправляющийся от интересов. Выдающийся американский политолог Ганс Моргентау дал в свое время существенное и внятное обоснование политическому реализму, однако оно практически не привлекается в обсуждаемом контексте. Вместо этого предлагается упрощенное толкование, что дело идет о беспринципном конъюнктурном поведении, нацеленном на сиюминутную выгоду и т.п. С другой стороны, «политика ценностей» преподносится как такая, которая, напротив, исходит из приверженности возвышенным идеалам. Каких именно ценностей – при этом непосредственно может и не уточняться, но лишь потому, что это подразумевается само собой ясным. В полном соответствии с приведенным выше рассуждением, только либеральные, «западные» ценности считаются единственно достойными этого наименования.

Соответственно, либеральная идеология стремится утвердить себя средствами современного политического дискурса в качестве полномочного представителя идеалов и моральных принципов как таковых. Всякий иной образ мыслей действий квалифицируется как по определению аморальная конъюктурщина, либо же как нездоровая приверженность идеям, одержимость ими – фанатизм. Противопоставление реалполитик и политики ценностей можно рассматривать как логическое завершение истолкования идеологии как набора субъективно принятых ценностей, т.е. признание либерализма как совершенного мировоззрения.

Далее обратимся к тому, чтобы кратко обрисовать основные черты второго основного толкования идеологии: как «ложного сознания». Как известно, сам термин «идеология» предложили французские философы Пьер Кабанис, Дестют де Траси и др. Тем не менее, еще до их выступления

Просвещение в лице его видных представителей выработало характерное объяснение существования санкционируемых государством доктрин, которое справедливо можно причислить к теориям идеологии. Л. Альтюссер излагает суть дела так: просвещенный XVIII век считал, что религиозные учения придуманы попами и деспотами, «чтобы человек, веря в свое послушание Богу, на самом деле подчинялся им». Ложное представление о мире, таким образом, служит цели господства немногих циников, «которые эксплуатируют «народ», завладев его воображением» [1, с. 6].

Марксизм внес в исследования идеологии огромный вклад, признаваемый многими видными теоретиками, среди которых далеко не все являются марксистами. Это особо важно отметить теперь, когда марксизм как политическая программа утратил былую актуальность. Согласно Марксу, идеология – уже не умышленный обман, но, скорее, неизбежное заблуждение. Эксплуататоры, конечно, получают выгоду от ложного сознания, однако они не создают его. Заблуждение возникает в результате объективных причин. Социальные процессы порождают силы, которые непонятны самим людям, условия жизни людей находятся вне их контроля, «отчуждены». Вследствие этого люди создают искаженные трактовки происходящего, в качестве примера которых может быть указан «товарный фетишизм». Эти псевдо-объяснения и составляют существо идеологических форм или «надстройки» (суперструктуры), которая целиком зависит от «базиса» (инфраструктуры), т.е. совокупности производственных отношений.

Пафос Маркса состоит в том, что только изменение реальной жизни избавит людей от проблем, связанных с ложным сознанием. Скажем, религия как «опиум народа», будет не опровергнута, а автоматически отпадет как невостребованная. Поэтому не нужно тратить время и силы на разбор собственно идеологических споров, лучше заняться революционным преобразованием действительности: «философы лишь различным образом объясняли мир; но дело заключается в том, чтобы изменить его».

Марксистская теория идеологии встретила критику, прежде всего «идеологическую». Типичным примером может служить Н. Бердяев, обвинявший Маркса в принижении человека: «Маркс окончательно отрицает самоценность человеческой личности, видит в человеке лишь функцию материального социального процесса» [2, с. 322].

Однако уже Ф. Энгельс в известных «письмах об историческом материализме» указывает, что если кто-нибудь интерпретирует Маркса так, что «экономический момент является будто единственно определяющим моментом», то он превращает положения марксизма «в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу» [9, с. 394]. Но хотя Энгельс таким образом признал, что не следует пренебрегать «вопросом о форме», т.е. выяснением того, «какими путями идет образование» «идеологических представлений и обусловленных ими действий из экономических фактов» [10, с. 84], сам он такого вопроса уже не раскрыл.

Недостаточность концепции идеологии у Маркса побуждала последующих мыслителей к попыткам исправить положение. Уже социологию В. Зомбарта и М. Вебера можно рассматривать в этом ключе – если согласиться с интерпретацией их творчества у К. Мангейма. Последний и сам предложил одну из важнейших теорий идеологии, опирающуюся на новации Маркса.

Очень непросто кратко обобщить полемику по вопросу марксовской теории ложного сознания. Сложно сформулировать, в чем состояло несомненное продвижение, кому принадлежала честь его свершить, и было ли оно вообще. Итоги подводить рано и, тем не менее, можно рискнуть обрисовать ряд черт, представляющихся существенными.

Идеология, «надстроечные» явления – не некий эпифеномен, круги по воде, она принципиально важна для функционирования социума. Луи Альтюссер в этой связи заявляет, что имеющаяся в «Немецкой идеологии» концепция идеологии «немарксистская», позитивистская. «Идеология понимается здесь как чистая иллюзия, греза, то есть ничто. Вся ее реальность лежит вне ее самой. Идеология понимается таким образом как воображаемая конструкция, статус которой схож с теоретическим статусом сновидения у предшественников Фрейда» [1, с. 8]. Однако признание ее важности не отменяет того обстоятельства, что она есть «ложное сознание». Таким образом, общество не просто заблуждается на свой счет, но абсолютно нуждается в этом заблуждении, причем именно как в заблуждении. В силу этой потребности, это уже не заблуждение как таковое, но также и не обман, а, скорее – фатальный самообман. Как пишет видный современный философ С. Жижек, ««идеологической» является социальная действительность, само существование которой предполагает незнание со стороны

субъектов этой действительности, незнание, которое является сущностным для этой действительности» [7, с. 27].

Без того, чтобы общество скрывало от себя действительную сущность происходящего это происходящее не может происходить. Еще Макиавелли указывал, что народ ждет от государя обмана. Государь может совершать все, что ему потребуется: любое злодеяние, так же как и любой добродетельный поступок, если они служат для удержания власти. Единственное, чего государь не может себе позволить – быть честным с подданными. С его уст не должно слетать ни одного слова, не исполненного высочайших добродетелей, причем в особенности он должен стараться выглядеть благочестиво. Соккрытие востребовано потому, что действительность слишком невыносима, чтобы выдержать правду. Тот же Макиавелли дает ключ к пониманию того, что хочет скрыть от себя общество: это как раз вскрываемые великим флорентийцем тайны власти, отношения господства и подчинения.

Всякая идеология выдвигает «идеалы», наиболее важной чертой которых является их недостижимость. Именно постоянное несоответствие идеалу является источником энергии, потребной для того, чтобы компенсировать внутренние напряжения общества. Это энергия покаяния/обличения, которую направляют на себя или на другого. Такая энергия служит не преодолению ситуации, продуцирующей напряжение, но, напротив, поддержанию гомеостаза, статус-кво. Раз достижение недостижимой цели нереально, то и преодоление напряжений имеет характер нереальный, т.е. символический. Как формулирует современный американский философ и литературовед Ф. Джеймисон, функция идеологического акта «состоит в изобретении воображаемых и формальных «решений» для неразрешимых общественных противоречий» [6, с. 38].

Указанный символический характер идеологического действия может ставиться под сомнение вследствие того – кажущегося очевидным – обстоятельства, что идеология способна мотивировать людей на совершение реальных деяний. Разве революции не являют пример событий самых что ни на есть действительных, отнюдь не символических, которые не могли бы состояться без идеологического обеспечения? Эта проблема побудила К. Мангейма провести различие идеологии и утопии – как систем взглядов, исповедуемых уходящим и, наоборот, нарождающимся

щимся классом. Данное различие, однако, не столь существенно. Вряд ли опровергается символический, по преимуществу, характер идеологического акта тем, что реальные события способны осуществляться приверженцами той или иной идеологии. Скорее, поучительны исторические свидетельства того, как идеологический настрой способен «испаряться» в массах под воздействием изменившейся ситуации. Поэтому можно судить, что не идеологии, но действительные жизненные напряжения толкают людей на реальные действия. Идеологии же способны служить развитию «энтузиазма», обеспечивая своего рода «анестезию» посредством эйфории мессинства в разных его вариантах.

Политическое действие свершается всегда под давлением реальных обстоятельств, а не как осуществление неких идеологических, идеальных ценностей. Но вот осознается это свершение обычно идеологически, в терминах приверженности идеалам. Гегель по этому поводу говорил, что народ невозможно обмануть в том, что касается существа дела, но в отношении формы народ сам себя обманывает.

Тем не менее, не следует заключать, что такой самообман происходит неизбежно. Осмысление политического действия не обязательно и не во всем должно происходить как очередная идеологическая индоктринация. Теоретическое обеспечение политического действия вовсе не обязательно отождествлять с идеологией. Тут уместно вспомнить заявление Маркса, что «коммунизм – не идеал, а действительное движение, упраздняющее имеющиеся состояния». Во все не обязательно относить себя к марксистам и, тем более, ком-

мунистам, чтобы понимать это различие. То, что марксов проект замены идеологии научным подходом обернулся на деле воцарением монстра «марксистско-ленинской идеологии» – это тяжелый урок, но не аргумент против возможности научно-теоретически осмысливать происходящее в обществе.

Другое обращение к тому же вопросу – уже упомянутая теория «реальной политики», причем именно как теория, а не идеологический штамп. Г. Моргентау выдвигал в качестве принципа осмысления событий понятие интереса, определенного в терминах власти (влияния, силы). Такой подход вовсе не обязательно ведет к вульгарному прагматизму или, как сказал бы Фихте, «эгоизму». Напротив, именно против этого он и направлен.

В связи со всем сказанным, то обстоятельство, что инициированный когда-то Б. Ельциным вопрос о российской национальной идее не получил громогласного решения, должно не обескураживать, но, напротив, ободрять. В этом можно надеяться видеть не безыдейность российского народа и утрату им ориентиров, но – напротив – свидетельство своего рода идейной трезвости [5, с. 122].

Оптимистично могут быть оценены и совсем недавние политические заявления в том ключе, что российская национальная идея – это ничто иное как «патриотизм», притом – подчеркнуто – не имеющий ничего общего с идеологией. Разумеется, такого рода высказывания могут быть истолкованы весьма различно. Однако повод для истолкования их в плане приверженности политике реализма они также предоставляют, причем даже в первую очередь.

Список литературы:

- [1] Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства. // Неприкосновенный запас. – 2011, № 3(77). – С. 3–15.
- [2] Барсукова Е.Н., Романенко И.Б. Социокультурная идентичность и национальный менталитет: урбантропологический подход // Общество. Среда. Развитие. – 2012, № 4(25). – С.193–196.
- [3] Бердяев Н. Смысл творчества. – М.: Правда, 1989. – 607 с.
- [4] Виндельбанд В. Избранное: Дух и история. – М.: Юрист, 1995. – 687 с.
- [5] Гапанович С.О. Урбанизация и антропогенез: ребенок в свете проблем информационной экологии // Территория детства: образовательные практики и манипулятивные технологии. Сборник научных трудов. Гл. ред. К.В. Султанов. Санкт-Петербург. – СПб., 2015. – С. 120–123.
- [6] Джеймисон Ф. Марксизм и интерпретация культуры. – М.–Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2014. – 414 с.
- [7] Жижек С. Возвышенный объект идеологии. – М.: Издательство «Художественный журнал», 1999. – 236 с.
- [8] Макс Фрай. Книга для таких, как я. – СПб.: Амфора, 2002. – 452 с.
- [9] Маркс К. Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2, т. 37. – М.: Политиздат, 1965. – 599 с.
- [10] Маркс К. Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2, т. 39. – М.: Политиздат, 1966. – 713 с.
- [11] Смелзер Н. Социология. – М.: Феникс, 1994. – 688 с.
- [12] Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. – 1990, № 3. – С. 134–148.